

Проснувшись, Лаки обнаружил, что «времена изменились».

Во-первых, его хоронили.

Военная палатка была маленькой, а товарищей по команде — много. Они стояли вокруг его койки в три ряда — спереди, посередине и сзади — с серьёзными лицами, в торжественной атмосфере. А он сам, завёрнутый в спальный мешок цвета хаки, был стянут девятью страховочными ремнями, всё тело ломило, и он не мог пошевелиться.

Его губы дрогнули, и он произнёс одно слово:

— Я...

Видит небо, Лаки всего лишь хотел спросить: «Что со мной?». Но прошлой ночью он так надрывал глотку на своём «концерте», что сорвал голос. И это «я» прозвучало скорее как «у», и стоило ему сорваться с губ, как лица его товарищей резко изменились.

Тут же он услышал, как Цзян Цинин заорал:

— Плохо дело! Он сейчас закричит «Ура»!

В мгновение ока товарищи по команде с собачьей бдительностью бросились на него, зажимая рот и руки, и в панике закричали:

— Доктор Лян, скорее! Успокоительное! Вколите ему!

Лаки опешил.

«Постойте!»

Он начал отчаянно вырываться, но тут же получил укол и снова погрузился в сон, проспав до самого полудня.

Затем, он дебютировал.

Когда сознание постепенно вернулось, произошедшее несколько часов назад показалось ему дурным сном. На этот раз палатка была пуста, рядом сидел лишь Цзи Сы. Ни страховочных ремней, ни придурковатых товарищей. Боль в горле прошла, и даже тело, казалось, пришло в норму.

— Что со мной?

Цзи Сы улыбнулся и кратко изложил:

— Прошлой ночью ты превратился в зверя и на глазах у всех совершил с гигантскими крысами нечто худшее, чем зверство. Теперь все, кто тебя знает, называют тебя «зверем в овечьей шкуре».

Лаки застыл.

Рука, откидывающая край одеяла, слегка дрожала. Честно говоря, он совершенно не помнил, как «потерял контроль», помнил только, что с нетерпением бросился в гущу крыс, а затем ощутил пьянящее чувство восторга... Н-неужели!

Лаки резко изменился в лице:

— Невозможно! Даже в сомнамбулическом состоянии я сначала найду туалет, а потом буду мочиться! — его тон был очень серьёзным. — Я дисциплинированный человек, я бы никогда не стал мочиться на стаю крыс!

Цзи Сы потерял дар речи.

Рука, сжимавшая скипетр, слегка дрожала. Великий жрец внезапно понял, почему мужчины в этой команде, один другого краше, никак не могли найти себе пару. С таким-то талантом убивать любой разговор на корню они были просто неподражаемы.

Лаки вышел из палатки, словно суперзвезда, ступившая в лучи софитов. В тот же миг все разговоры оборвались, смех затих, и со всех сторон на него уставились взгляды, словно прожекторы, — такие изумлённые, такие пристальные, такие горячие!

Пять секунд молчания, десять тысяч мыслей в голове.

Снаружи Лаки сохранял спокойствие, но внутри у него всё сжималось от паники. Он подозревал, что прошлой ночью действительно помочился на стаю крыс, и теперь ему предстоит выдержать всеобщее внимание.

Когда его придурковатые товарищи подбежали к нему и с усмешкой сказали: «Лаки, пойдём! Посмотрим на твои вчерашние художества!», у Лаки потемнело в глазах, а в голове стало пусто.

К счастью, он был дисциплинированным человеком. Кроме того, что он перепахал землю в горах Нинъюань, расширил расщелину Логова демонов на дюйм, уничтожил половину леса и

проделал в земле глубокие рытвины... ничего действительно зверского он не совершил.

Лаки не успел вздохнуть с облегчением, как попал под перекрёстный огонь острот своих товарищей.

Ци Синьли с серьёзным видом произнёс:

— Амитабха, добро и благо! Благодетель Лаки, поразмысли-ка, кем ты был в прошлой жизни, если даже гигантские крысы так тебя боятся?

Сы Ночэн сказал:

— Котом, наверное. Его взрывная сила, когда он прыгал с земли, и скорость, с которой он на меня напал, очень похожи на движения кота, охотящегося на птицу.

— Змеёй! — возразил Цзян Цинин, указывая на Логово демонов. — Шмыг — и в нору, схватил крысу — и не отпускает, а в конце ещё и позвоночник целиком «проглотил». Точно змея!

— Я думаю, ястреб! — настаивал на своём Юй Минъян. — Я видел военные записи. Прыжок на сотню метров, приземление — и сразу кратер. Это должен быть кто-то, кто умеет летать и пикировать с огромной силой!

Лаки не выдержал:

— А я не могу быть просто человеком?

Юй Минъян с печалью в голосе ответил:

— Чистокровный человек может лишь сидеть в инвалидном кресле, поглаживая сломанную ногу, и кричать вам «браво», пока вы дерётесь. Ты недостоин.

Цзян Цинин протяжно вздохнул:

— Чистокровный человек может лишь убирать поле боя после вас и, глядя на записи, орать «ни хрена себе!». Ты недостоин.

Лаки застыл.

«За одну ночь я перестал быть человеком?»

— Ну, в крайнем случае, медведь тоже сойдёт, верно? — Лаки отчаянно пытался спасти свою репутацию. — Скорость кота, хватка змеи, стремительность ястреба. К тому же, это прекрасно соответствует и образу «Ура», и дипломатическому подходу Срединного континента «дружбы через медведей». И при этом сохраняется и приятный образ, и политическая корректность, и стиль. Так что...

— Точно! — хлопнул себя по ляжке Цзян Цинин. — Можно ведь совместить черты кота, змеи и ястреба!

— Значит, в прошлой жизни ты был «кошачьей совой»!

Все замолчали.

Лаки был сбит с толку:

— Почему? Кроме того, что в названии есть «кот» и «сова», где там черты кота, ястреба и змеи?

— Тц! — Цзян Цинин смерил всех презрительным взглядом. — У совы миловидность кошки, внешность ястреба и змеиная привычка бодрствовать по ночам. Где тут несоответствие?

Все: «А ведь в этом что-то есть».

Лаки: «После Пробуждения я даже вид сменил?»

С тех пор спокойная жизнь Лаки утонула в потоке шуток его товарищей. В конце концов, он сдался и, закрыв лицо руками, пожелал лишь одного: вернуться в прошлую ночь. Он предпочёл бы помочиться на стаю крыс, чем снова перепахать землю в горах Нинъюань.

Ночь, час пополудни.

Когда всё стихло, старина Цзинь и его адъютант под покровом темноты нанесли визит Цзи Сы. В военной палатке горел свет. Черноволосый юноша в белых одеждах, откинувшись на спинку шезлонга, листал атлас Срединного континента.

Увидев гостей, он не выказал ни малейшего удивления, словно заранее знал об их приходе. Он указал на два свободных складных стула и с улыбкой сказал:

— Прошу, садитесь.

Два стула...

Почему именно два стула!

Старина Цзинь и его адъютант были слегка поражены. Они обменялись глубокими взглядами с Цзи Сы и без лишних церемоний сели. Увидев это, Цзи Сы с лёгкой улыбкой поднял руку. Термос в палатке сам собой взлетел в воздух и аккуратно налил две чашки воды. Затем чашки подплыли к ним.

— Угощаю лишь водой, не обессудьте, — улыбнулся Цзи Сы.

Старина Цзинь и его адъютант потеряли дар речи.

Только вошли — и сразу два таких приёма. Вся напускная важность улетучилась. Впрочем, перед таким непостижимым мастером строить из себя кого-то было бесполезно. Лучше отбросить всякое притворство и говорить начистоту.

Старина Цзинь сказал:

— Господин Цзи, я человек прямой, не обучен хитросплетениям речи. Я пришёл к вам среди ночи, потому что на душе тяжело, и если я не получу ответов, не смогу найти покоя. Надеюсь, вы развеете мои сомнения.

Цзи Сы мягко и учтиво ответил:

— Разумеется.

Такой прямой ответ заставил старину Цзинь на мгновение замолчать. Он подумал и начал:

— Если будут вопросы, на которые вы не захотите или не сможете ответить, просто долейте мне немного воды.

Старина Цзинь посмотрел прямо на Цзи Сы:

— Господин Цзи, вы ли тот самый «Великий жрец»?

— Да, — с улыбкой ответил Цзи Сы. — Пророк — это я.

Старина Цзинь поджал губы, а его адъютант резко вдохнул. Прошла почти минута, прежде чем старик продолжил:

— Скажите, откуда вы?

Цзи Сы с улыбкой долил ему воды.

— Господин Цзи, обладая такими удивительными способностями, почему вы не хотите сотрудничать с военными? — старина Цзинь сделал глоток. — Даже если поначалу были препятствия, то сейчас, когда бедствия следуют одно за другим, кто осмелится сказать «не верю»? Стоит вам только кивнуть, и я немедленно отправлю за вами военный самолёт, чтобы доставить вас в Яньцзин!

Цзи Сы улыбнулся:

— Я отказываюсь.

— Я усердно обучаю Ци Синьли, которого вы приставили ко мне, — сказал Цзи Сы. — Я верю в искренность старого генерала, но не верю в человеческие сердца, в которых зарождаются злые духи.

— К тому же, для сотрудничества необходимо обоюдное желание. Вы выбрали меня, но я вас ещё не выбрал.

Наступило долгое молчание. Старина Цзинь понял, что Цзи Сы, как таинственный пророк с непостижимой силой, как мастер, способный возвращать Пробуждённых, имел полное право так говорить. И в его словах не было ничего предосудительного!

Спустя некоторое время старина Цзинь сменил тему:

— Тогда, позвольте спросить, какова ваша цель? Вы публикуете пророчества, обучаете Пробуждённых, помогаете людям... зачем?

Цзи Сы долил ему воды.

Старина Цзинь сделал ещё глоток:

— Вторая волна крысиного нашествия в горах Нинъюань... Господин Цзи, вы ведь знали о ней, почему не опубликовали пророчество?

— Я лишь проводник, а не властитель, — ответил Цзи Сы. — Вам следует научиться обходиться без моих предсказаний, а не полагаться на них. Если вы будете во всём зависеть от меня, это равносильно самоубийству. В будущем моих пророчеств будет становиться всё меньше. Некоторые кризисы вам придётся предвидеть самим.

— Человечество должно вновь обрести свою силу.

— И кстати, у меня нет враждебных намерений по отношению к Срединному континенту.

Старина Цзинь слегка кивнул:

— Что касается Пробуждённых, как, по-вашему, нам следует с ними поступить?

— Не нужно ничего скрывать, но и не стоит преувеличивать, — сказал Цзи Сы. — Пусть всё идёт своим чередом. Зачастую это приводит к наилучшему результату.

Они беседовали так полчаса, один задавал вопросы, другой отвечал, и чашки то и дело наполнялись водой. Когда старина Цзинь вышел из палатки, он глубоко вздохнул, словно сбросил с плеч тяжёлый груз.

Адъютант спросил:

— Старина Цзинь?

— Пойдём, — старик повёл адъютанта прочь от палатки Цзи Сы и заговорил, лишь когда они вошли в его собственное жилище. — Он совсем не похож на молодого человека...

Скорее, на старого лиса его поколения! Каждое слово лишено остроты, но если вдуматься, в нём скрыто множество смыслов.

— Он готов усердно обучать Ци Синьли, но не желает сотрудничать с властями. Что это значит? — сказал старина Цзинь. — Он ясно даёт мне понять: не всякого он готов принять! И ещё: одного я взял, но не пытайтесь навязать мне всё правительство, я брезгую!

Адъютант молчал.

Старина Цзинь ускорил шаг:

— Он сказал, что верит мне, но не верит человеческим сердцам. На что он намекает? Что в Яньцзине проблемы?

Адъютант не осмелился делать предположений и промолчал.

— К этому Цзи Сы действительно можно лишь «смотреть, но не подходить», — вздохнул старик. — Он возвращает Пробуждённых, но и отпускает их в свободное плавание. Говорит нам «пусть всё идёт своим чередом», напоминая, чтобы мы не мешали их развитию.

Адъютант внезапно сказал:

— Тогда почему бы нам не попытаться привлечь на свою сторону Пробуждённых?

Старина Цзинь замер.

— Ци Синьли — наш человек, а остальные Пробуждённые — его товарищи, — адъютант пошёл от обратного. — Если мы сможем наладить сотрудничество с этой первой группой Пробуждённых, то это будет... косвенное сотрудничество с господином Ци.

— Это тоже своего рода «естественный ход вещей».

Внезапно старина Цзинь хлопнул себя по колену и рассмеялся. Он с силой похлопал адъютанта по плечу и с удовлетворением сказал:

— Это я совсем запутался! Это ведь и есть «естественный ход вещей», ха-ха-ха!

Авторское примечание:

Простите за долгое ожидание, я просидел над этой главой шесть часов и написал всего три тысячи иероглифов. Почему? Потому что застрял на диалогах ==

P.S.:

Лаки: «Кошачья сова мне не подходит!»

Сы Ночэн: «О, тогда мейн-кун».

Лаки: «...»

<http://bllate.org/book/13709/1591617>